

Б. А. ПИЛЬНЯК — И. В. СТАЛИНУ

<4 января 1931 г.>

Москва 40, 2-я ул. Ямского поля, 14, 21

Глубокоуважаемый товарищ Сталин.

Я обращаюсь к Вам с просьбой о помощи. Если бы у Вас нашлось время принять меня, я был бы счастлив гораздо убедительнее сказать о том, ради чего я пишу.

Позвольте сказать первым делом, что решаясь, навсегда я связываю свою жизнь и свою работу с нашей революцией, считая себя революционным писателем и полагая, что и мои кирпичики есть в нашем строительстве. Вне революции я не вижу своей судьбы.

В моей писательской судьбе множество ошибок. Я знаю их лучше, чем кто-либо. Оправдываться в них надо только делами. Должен все же сказать, как это ни парадоксально, — обдумывая свои ошибки, очень часто, наедине с самим собою, я видел, что многие мои ошибки вытекали из убеждения, что писателем революции может быть лишь тот, кто искренен и правдив с революцией: мне казалось, что если мне дано право нести великую честь советского писателя, то ко мне есть и доверие.

Последней моей ошибкой (моей и ВОКСа) было напечатание «Красного Дерева». Наша пресса обрушилась на мою голову негодованием. Я понес кары. Ошибки своей я не отрицал и считал, что исправлением моих ошибок должны быть не только декларативные письма в редакции, но дела: с величайшим трудом (должно быть, меня боялись) я нашел издателя и напечатал мой роман «Волга впадает в Каспийское море» (который ныне переведен и переводится на восемь иностранных языков и немецкий перевод которого я сейчас посылаю Вам), — я поехал в Среднюю Азию и печатал в «Известиях ЦИК» очерки о Таджикистане, — последнее, что я напечатал, в связи с процессом вредителей, я прилагаю к этому письму и прошу прочитать хотя бы подчеркнутое красным карандашом. Содержание этих вещей я считал исправлением моих писательских ошибок, — этими вещами я хотел разрушить то недоверие, которое возникло к моему имени после печатной кампании против «Красного Дерева».

Мои книги переводятся от Японии до Америки, и мое имя там известно.

Ошибка «Красного Дерева» комментировалась не только прессою на русском языке, но западноевропейской, американской и даже японской. Буржуазная пресса пыталась изобразить меня мучеником, — я ответил на это «мученичество» письмом в европейской прессе и вещами, указанными выше. Но мне казалось, что это мученичество можно было бы использовать и политически, что был бы неплохой эффект, если бы этот «замученный» писатель в здоровом теле и уме, неплохо одетый и грамотный не меньше писателей европейских, появился б на литературных улицах Европы и САСШ (уже в течение трех лет я имею от американских писателей приглашение в САСШ, а в Европе я оказался бы принятым как равный писателями, кроме пролетарских, порядка Стефана Цвейга, Романа Роллана, Шоу), — если б этот писатель заявил хотя б о том, что он гордится историей последних лет своей страны и убежден, что законы этой истории будут и есть уже перестраивающими мир, — это было бы политически значимо.

Мне казалось, что именно для того, чтобы окончательно исправить свои ошибки и использовать мое положение для революции, мне следовало бы съездить за границу, — тем паче что это было у меня в обычае, так как с 1921-го года, когда я впервые был за границей, я переезжал советские границы четырнадцать раз, а сейчас не был там с 1928-го года.

Кроме этого, у меня есть другие причины, по которым мне надо ехать за границу.

Полупричиной я считаю то обстоятельство, что, не приехав на место, я никак не могу наладить моих переводно-литературных дел, когда переводчики меня безбожно обворовывают, — хотя эта полупричина дала бы Госбанку в год тысячу-полторы валютных рублей, если бы я наладил получение гонораров.

Главная причина — следующая. Годы уходят, и время не ждет, — и с дней десятилетия годовщины Октября я задумал написать роман, к которому я подхожу как к первой моей большой и настоящей работе. Мой писательский возраст и мои ощущения говорят мне, что мне пора взяться за большое полотно и силы во мне для него найдутся. Этот роман посвящен последним полуторадесятилетиям истории земного шара, — и я хочу противопоставить нашу, делаемую, строимую, созидаемую историю всей остальной истории зем-

ного шара, текущей, проходящей, происходящей, умирающей, — ведь на самом деле перепластование последних лет истории гигантское, — и на самом деле историю перестраиваем мы. Сюжетная сторона этого романа уже продумана, лежит в моей голове, — место действия этого романа — СССР и САСШ, Азия и Европа, — Азию и Европу я представляю, в САСШ я не был, — у меня не хватает знаний, а роман я должен сделать со всем напряжением.

Эти мои соображения я излагал ряду моих товарищей-партийцев, и по совету с ними я подал ходатайство о разрешении мне выезда за границу, месяцев на три — на шесть. Валюты я не просил, так как все же часть моих переводов оплачена.

В разрешении выехать за границу мне отказано.

Почему — я не знаю. Неужели мне надо предположить, что обо мне думают, что я убегу, что ли, — но ведь это же чепуха! Не могу же я убежать от самого себя и от своей писательской судьбы, от революции, от своей страны, от языка, от жены, от детей?!

Надо предположить, что это есть продолжение недоверия ко мне, — или меня наказывают? Я оказался в положении мальчишки, потому что, после разговоров с товарищами, я был убежден в получении паспорта, — озаботился в связи с этим об иностранных визах, переговорил с отделом печати НКВД, с ВОКСом о моих маршрутах и о предполагаемых делах и выступлениях за границей. Если это есть наказание, то оно очень жестоко.

Иосиф Виссарионович, даю Вам честное слово всей моей писательской судьбы, что, если Вы мне поможете выехать за границу и работать, я сторицей отработаю Ваше доверие. Я могу поехать за границу только лишь революционным писателем. Я напишу нужную вещь.

Позвольте в заключение сказать о моем теперешнем состоянии. Я говорил о моих ошибках и о том методе, который я избрал, чтобы их исправить. Всем сердцем и всеми помыслами я хочу быть с революцией, и очень часто у меня за последний год возникает ощущение, что кто-то меня отталкивает от нее, я окружен недоверием, в атмосфере которого работать нельзя, — если бы Вы знали хотя б о том, сколько я обивал порог «Известий», чтобы напечатать ту статью, которую я шлю Вам,

и обиваю до сих пор, чтобы допечатать мои таджикские очерки, которые приняты, но для которых катастрофически отсутствует в газете место.

Не ходите же мне ко всем и не говорить: верьте мне.

Но Вас я могу просить об этом, — и я прошу Вас мне помочь.

С величайшим нетерпением жду Вашего ответа.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего.

БОР. ПИЛЬНЯК

И. В. СТАЛИН — Б. А. ПИЛЬНЯКУ

<7 января 1931 г.>

Уважаемый тов. Пильняк!

Письмо Ваше от 4.I получил. Проверка показала, что органы надзора не имеют [в настоящее время (зачеркнуто). — *Ред.*] возражений против Вашего выезда за границу. Были у них, оказываются, колебания, но потом они отпали. Стало быть, Ваш выезд за границу можно считать в этом отношении обеспеченным.

Всего хорошего.

И. СТАЛИН

Е. И. ЗАМЯТИН — И. В. СТАЛИНУ

<Июнь 1931 г.>

Уважаемый Иосиф Виссарионович, приговоренный к высшей мере наказания — автор настоящего письма — обращается к Вам с просьбой о замене этой меры другой.

Мое имя Вам, вероятно, известно. Для меня как для писателя именно смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельства сложились так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество немислимо, если приходится работать в атмосфере систематической, год от году все усиливающейся, травли.

Я ни в какой мере не хочу изображать из себя оскорбленную невинность. Я знаю, что в первые 3–4 года после революции среди прочего, написанного мною, были вещи, которые могли